

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

РОССИЯ – ИТАЛИЯ – ГЕРМАНИЯ: ЛИТЕРАТУРА ПУТЕШЕСТВИЙ

*Коллективная монография
по материалам Третьей международной научной
конференции Международного научно-исследовательского
центра «Russia – Italia» – «Россия – Италия»
Томск, 26–28 сентября 2012 г.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013

ЧАСТЬ III. РОССИЯ И ЕЕ ПРОВИНЦИИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ И ЕВРОПЕЙЦЕВ

В.С. Киселев, Т.А. Васильева

Томский государственный университет (Россия, Томск)

«...СТРАНА ИХ В РОССИИ ТО ЖЕ, ЧТО В ЕВРОПЕ ИТАЛИЯ»: УКРАИНА ГЛАЗАМИ ИМПЕРСКИХ АВТОРОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.*

I

Проблема внутренней колонизации, предполагающая как административно-политическое, так и социокультурное освоение «национальной периферии», имела для Российской империи особое значение, причем решалась она для разных регионов своеобразно и чаще всего ситуативно. Тем самым, как справедливо констатировал А.И. Миллер¹, точка зрения на процессы взаимодействия ядра и той или иной окраины империи должна соответствовать динамичности и гетерогенности историко-культурного материала: в истории «внутренних колонизаций» было много моделей выстраивания отношений между «центром» и подчиненной «периферией», инициированных элитами обеих сторон. Одной из составляющих здесь, безусловно, выступает формируемый разнонаправленными усилиями образ национального региона, в символическом плане претворяющий систему различий (или ассимиляционных слияний) «своего» и «чужого».

В случае образа Украины в имперской культуре мы сталкиваемся с парадоксом: у большинства исследователей проблемы «полуденная Россия» описывается как готовый символический конструкт, возникший в первой трети XIX в. словно бы из ниоткуда. Центром внимания и отправной точкой изучения здесь чаще всего становится феномен украинофильства, мощно проявившегося в 1820–1830-е гг. в широком и ус-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 12-06-33005 мол_а_вед.

¹ См.: Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 42–53.

тойчивом интересе российского образованного общества к украинской истории, фольклору, языку, этнографическому материалу¹. Тем не менее для возникновения столь последовательного и широкого увлечения, породившего цельную и очень устойчивую мифологию, должны были сформироваться некие предпосылки, связанные с предыдущим опытом культурно-идеологического конструирования образа Украины во второй половине XVIII – первых десятилетиях XIX в.²

В историческом плане таким отправным пунктом выступило завершение инкорпорации украинских земель в состав Российской империи. С момента своего воцарения Екатерина II стремилась преодолеть административно-политическую неоднородность страны, сложившейся из многих этнических регионов и сохранившей значительные элементы местных автономий. По образцу западноевропейских государств она в 1770–1780-е гг. провела унификацию внутриимперской административной системы с единообразным членением на губернии и типовым аппаратом губернского управления, что коснулось и национальных окраин – Лифляндии, бывших крессов Речи Посполитой, Крыма, Восточной Финляндии, Поволжья и т.д.³ Отношения петербургских властей с Украиной тоже выстраивались по этой общероссийской модели. В ходе преобразований, проведенных малороссийским генерал-губернатором П.А. Румянцевым в 1764–1785 гг., был отменен целый ряд льгот и привилегий, оставшихся в наследство от Гетманщины. Малороссия потеряла автономию и стала рядовой имперской окраиной, лишенной даже административного единства: она была разделена на Киевское, Черниговское и Новгород-Северское наместничества⁴.

При всей болезненности реформ, глубоко изменивших социальную структуру населения Украины (ликвидация казачества, прикрепление крестьян к земле, выделение и официальное утверждение статуса дво-

¹ См.: *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. Т. 3: Этнография малорусская. СПб., 1891; *Комаров А.И.* Украинский язык, фольклор и литература в русском обществе начала XIX века // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. филол. наук. 1939. Вып. 4. С. 125–158; *Волынский П.К.* Украинские произведения в русских журналах 20–30-х годов XIX века // Волынский П.К. Из творческого наследия. Киев, 1973. С. 82–94; *Миллер А.* Украинифильство // Славяноведение. 1998. № 5. С. 28–37.

² См. некоторые материалы этого ретроспективного плана: *Ситовський В.В.* Україна в російському письменстві. Ч. 1 (1801–1850). Киев: 3 друкарні Української Академії Наук, 1928; *Bushkovich P.* The Ukraine in Russian Culture 1790–1860: The Evidence of the Journals // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1991. Bd. 39. H. 3. S. 339–363.

³ См.: *Мадапуага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой / пер. с англ. Н.Л. Луженской. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 439–520.

⁴ См.: *Kohut Z.E.* Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s – 1830s. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.

рянства и т.п.) и вызывавших то более, то менее сильное противодействие, общее их направление трудно описать в ортодоксальных колониальных терминах. Прежде всего, их целью было как раз не проведение жестких различий между метрополией и колонией, а инкорпорация Малороссии в имперское пространство с максимальным равенством прав и даже некоторыми привилегиями, законодательно подтвержденными вскоре Павлом и Александром I¹. Административно-правовая унификация делала затруднительным государственное, территориальное и даже этническое разграничение великороссов и малороссов. Малороссийский генерал-губернатор Н.Г. Репнин писал в ходе Польского восстания 1830–1831 гг.:

Поистине малороссияне суть совершенно русские, и они подтвердили это событиями прошедшего лета. Наречие, обычаи, одежда несколько различаются, но вера, царь и Русь есть для них святыня нераздельная и неприкосновенная. <...> Конечно, желательно, чтобы всякая разница исчезла между единоплеменным народом <...> но, по словам Екатерины II, худа та политика, которая то предписывает законами, что надлежит переменить обычаями².

Своеобразным ответом Н.Г. Репнину может служить позиция малоросса В.П. Кочубея, в это время – председателя Государственного совета империи:

Хотя я по рождению и хохол, но я более русский, чем кто другой, и по моим принципам, и по моему состоянию, и по моим привычкам³.

Стратегию имперского центра вряд ли можно рассматривать и как насильственно-ассимиляционную: при ликвидации политической самостоятельности украинский язык, культура, религиозная специфика, система образования не подвергались сколько-нибудь массовой русификации вплоть до польского восстания 1830–1831 гг., да и после него эта политика не отличалась системностью и последовательностью⁴. Как отмечает ведущий исследователь истории Украины второй половины XVIII – начала XIX в. Зенон Когут, вместо дискриминационных мер

¹ Ср. в этом плане размышления об особом статусе региона: *Мацузато К.* [Рец. на кн.: Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802–1856. Функції, структура, архів. Київ: Держ. ком. архівів України, 2001] // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 605–616.

² Цит. по: *Стороженко Н.* К истории малороссийских козаков в конце XVIII и в начале XIX века // *Киевская старина*. 1897. № 10. С. 128.

³ Там же. С. 143.

⁴ Ее развернутый анализ см.: *Миллер А.И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) [Электронный ресурс]. М.: Алетея, 2000. Режим доступа: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/miller-pred3.htm>, свободный (вход: 04.01.2013).

в отношении соціальної та культурної еліти зберігалось стійке «приглашення» к участю в загальноімперській житті, відкривавше можливість самореалізації не тільки в регіональних масштабах – при умови добровільної асиміляції. Результатом становилось перетворення ідентичності з установкою на службу престолу:

<...> Асимілятори вдихалися тим, що були частиною імперії, котра покорили закордонних ворогів Гетьманщини (Польщу, Кримське ханство і Османську імперію), відкрила їм доступ к імператорському двору і к можливості зробити кар'єру. Серед виразителів подібних устремлених були найважливіші особи Гетьманщини і імперії: Олександр Безбородко, Петро Завадовський, граф Іван Гудович, Дмитрій Трошинський, граф (пізніше князь) Віктор Кочубей, Григорій Милорадович і ряд інших знатних осіб¹.

Оксана Дзюба констатувала при цьому не атомарний, але масовий характер міграцій малоросійської еліти, супроводжуваний зміною соціокультурних орієнтацій:

Вихованці колегіумів, Києво-Могилянської академії та закордонних університетів поповнювали Генеральну військову канцелярію, займали полковничі та сотенні уряди, були суддями, ставали священиками, приймали чернецтво й очолювали православну ієрархію не лише на Україні, але й в цілому в Російській державі. Все ж значна частина шукала собі служби, чинів у столицях Російської імперії. Поряд з дрібними чиновниками, канцеляристами, копіїстами це були перекладачі Синоду, Сенату, Колегії іноземних справ, викладачі Петербурзької та Московської університетських гімназій та університетів, Кадетських корпусів, медичної академії. Вони ж видавці, літератори, вчені медики, співаки придворної капели, художники. Столиці метрополії пропонували їм не лише чини, дворянство, вони давали їм можливість реалізувати себе у інтелектуальній діяльності, те, чого вони позбавлені були на батьківщині².

Мощное участие выходцев из Малороссии в жизни империи, о количественном и качественном составе которого дает широкое представление книга Дэвида Саундерса³, стало соціокультурным фунда-

¹ Kohut Z.E. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s – 1830s. P. 259. Здесь и далее неоговоренные переводы иноязычных цитат принадлежат авторам статьи.

² Дзюба О. Українці в культурному житті Росії (XVIII ст.): причини міграції // Росія – Україна: історія взаємостосунків / под ред. А.І. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флора. М., 1997. (<http://litopys.org.ua/vzaimo/vz10.htm>[04.01.2013]).

³ Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750-1850. Edmonton: CIUS Press, 1985. См. также: Raeff M. Ukraine and Imperial Russia: Intellectual and Political Encounters from the Seventeenth to the Nineteenth Century // Ukraine and Russia in their Historical Encounter / Ed. by P.J. Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G.M. Zekulin. Edmonton: CIUS Press, 1992. P. 39–66; Голубенко П. Україна і Росія в світлі культурних взаємин. Київ: Дніпро, 1993; Іллін Н.А. Русско-украинское культурное сотрудничество в XVIII – первой половине XIX в. Киев: Наукова думка, 1988.

ментом постепенно усиливавшегося интереса к этому национальному региону, плодом чего и явился феномен российского украинофильства 1820–1830-х гг.

Конец XVIII – первые десятилетия XIX в. были эпохой лишь подготовительного знакомства массовой аудитории с украинским миром, причем о степени осведомленности образованной дворянской публики хорошо свидетельствуют журнальные материалы. На протяжении 1790–1815 гг. (до начала издания первого харьковского журнала «Украинский вестник») в периодических изданиях всего появилось около нескольких десятков публикаций о Малороссии или текстов, авторы которых названы малороссами¹. По жанровому составу они предельно разнородны: исторические документы, речи и публицистические выступления, оды и лирические стихотворения, анекдоты, короткие очерки (обычно отрывки из путешествий). По тематике эти произведения тоже не образуют сколько-нибудь устойчивого ряда, являясь в большинстве своем текстами «на случай», приуроченными к определенному событию, временно напомнившему об этом уголке Российской империи, как было в 1807 и 1812 гг., когда созывалось малороссийское ополчение. Следствием подобной фрагментарности выступало размытое представление о западных окраинах, сохранявшееся в массовой аудитории довольно долго, вплоть до польских событий 1830–1831 гг., что констатировал, в частности, А.Н. Пыпин, обозревая становление белорусской этнографии². Представление об Украине, даже о ее географических пределах, также оставалось ограниченным; как отмечал П. Бушкович,

для русских писателей и читателей Украиной была Малороссия, старое гетманство и Слободская (позже Харьковская) губерния <...>. Представление, что Левобережье – это и есть вся Украина, было столь общепринятым, что никто из авторов даже не объяснял данной идентификации³.

При подобном достаточно поверхностном знакомстве на первый план выходила не столько заинтересованность в самобытной культуре и

¹ Подборка исторических документов («Летописец Малой России» Г. Грабянки, мемуары П. Гордона, письмо Л. Сапеги, универсал Б. Хмельницкого и несколько других) в «Российском магазине» (1792–1794) Ф.О. Туманского; «Новое путешествие в Малороссию» П.И. Шаликова (Вестник Европы. 1804. № 2), речи Г.А. и В.Г. Полетики, В.Н. Каразина (Вестник Европы. 1803. № 13 и 16; 1805. № 24; 1809. № 4–5; 1811. № 1), «Ода, сочиненная на малороссийском наречии по случаю временного ополчения» Г. Кошниц-Квитницкого (Вестник Европы. 1807. № 9), «Письмо из Малороссии» И.И. Гуржеева (Вестник Европы. 1809. № 5), «Анекдоты» П.Ф. Калайдовича (Вестник Европы. 1810. № 7) и некоторые другие.

² См.: Пыпин А.Н. Белорусская этнография // Вестник Европы. 1887. № 4. С. 644–683.

³ Bushkovich P. The Ukraine in Russian Culture 1790–1860. P. 343–344.

истории Украины, сколько созвучность тех или иных ее проявлений внутренним потребностям имперской культуры, в свою очередь вступившей на путь модернизации и создания национального государства. Противоречивый процесс этнизации, общий вектор развития европейских империй XVIII – начала XIX в. требовал выработки разветвленных идеолого-символических систем, позволявших опознавать «свое», национально маркированное и работающее на консолидацию этнического «ядра» метрополии, и проводить различие с «другим», составлявшим дальнюю или ближнюю периферию мира «нации – государства». В многонациональной России рубежа XVIII–XIX вв. создание подобных идеологем, призванных сменить, а вернее дополнить, универсальные формулы лояльности царствующей династии, только началось. Поиски национальных истоков, особый интерес к русской истории и традиционной допетровской культуре, формирование национального пантеона исторических и культурных деятелей – очевидные приоритеты поколения Н.М. Карамзина и А.С. Шишкова, по-разному видевших направления имперской модернизации, но убежденных в необходимости консолидировать культурную и социальную элиту, укрепляя ее национальное самосознание¹.

Действенность идеологии «нации – государства» блестяще продемонстрировала революционная и наполеоновская Франция, сумевшая в сложнейших условиях не просто объединить население под лозунгами национального спасения, но и направить патриотизм, ощущение особой миссии нации на достижение экспансионистских целей. В Европе начала XIX в. этот идеологический и политический импульс претворился в ряде специфических стратегий нациостроительства, в частности в немецком романтическом национализме, чьи концепции оказали глубокое влияние на сторонников государственной модернизации во многих странах². При отрицательном отношении к французской (эгалитаристской) версии подобной идеологии в целом она оказалась созвучна рос-

¹ См. постановку этой проблемы в работах: Киселева Л.Н. Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. Тарту, 1985. С. 3–20; Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. 2-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 157–266; Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое лит. обозрение. 2008. № 91. С. 114–140.

² Так, А.Л. Зорин отмечает влияние идей Ф. Шлегеля на становление модернизационной идеологической программы С.С. Уварова (см.: Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... С. 352–359).

сийской культуре, принявшей иной ее вариант, когда опорой империи становится национально ангажированная дворянская элита¹.

Одним из ближайших образцов национального единства, сохранивших верность истокам, традициям предков, выступила как раз Малороссия. Утратив политическую самостоятельность и тем самым возможность государственной консолидации, украинцы компенсировали ее ощущением этнически-исторической общности, возводимой ко времени казачества. Эту тягу к сохранению исторического наследия З. Когут справедливо назвал малороссийским традиционализмом, свойственным большинству дворянской элиты, даже ассимилированной. Традиционалисты

<...> не были организованы в какие-либо общества и, тем самым, выражали разные взгляды и преследовали разные цели. Объединяла их только привязанность к прошлому <...>. Традиционалисты хотели сохранить разные аспекты своего традиционного быта и институций. Одни считали своей первоочередной задачей возрождение казачьего войска, другие хотели только сохранения Литовского статута, а третьи – писали и издавали патриотическую литературу².

Питательной почвой для традиционализма выступала постоянная сосредоточенность на местных проблемах, периодически обострившихся в связи с административными преобразованиями – созданием Геральдической коллегии, затруднившей подтверждение дворянского статуса, реформой суда, ограничившей сферу действия местного законодательства, обсуждением возможности откупов и отмены свободного винокурения и т.п. Ответом на реформы каждый раз выступал поиск исторических подтверждений прав и вольностей, актуализировавших образ прошлой Украины. Так, в переписке А.И. Чепы и В.Г. Полетики из прагматической задачи составить «Записку о малороссийском дворянстве», поданную в 1809 г. Александру I, вырос замысел фундаментального, но так и не реализовавшегося труда по истории Малороссии³. Собираание исторических документов, топографические и этнографические описания родного края, сопровождавшиеся возвышенной патриотической риторикой:

¹ Последовательная история становления русской националистической идеологии в конце XVIII – первые десятилетия XIX в. еще не написана, хотя отдельные ее эпизоды анализировались в статьях и монографиях Дж.Л. Блэка, Р. Уортмана, А.М. Мартина, А.Л. Зорина, Л.Н. Киселевой, В.М. Живова, М.Л. Майофис и ряда других ученых, а о необходимости ее системного изучения еще в начале 2000-х писал Р. Уортман в статье: *Вортман Р. Национализм, народность и Российское государство* / пер. с англ. О. Майоровой // *Неприкосновенный запас*. 2001. № 3 (17). С. 100–105.

² *Kohut Z.E. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s – 1830s*. P. 264, 273.

³ См.: *Киевская старина*. 1893. № 1. С. 41–76.

Верьте тому, что я люблю отечество, – люблю соотчичей моих больше самого себя <...>. Как приятно трудиться для славы и пользы отечества! Собственные чувства наши, чувства, что мы в недрах оно не жили праздно, награждают нас за оные и дают нам счастливейшее для смертных право на имя сынов отечества¹,

стали со второй половины XVIII в. общей установкой, характерной для украинских политических и культурных деятелей – Г.А. Полетики, А.И. Ригельмана, А.Ф. Шафонского, А.И. Чепы, В.Г. Полетики, Я.М. Марковича, М.Ф. Берлинского, Д.Н. Бантыш-Каменского и др. Однако любовь к «батьківщині» не мешала им участвовать в имперской административной деятельности и культурной жизни, выбирая русский язык в качестве средства постоянного общения и устраивая свой повседневный обиход по русскому образцу². Традиционализм выступал для них лишь как один из элементов идентичности, представляя ее региональный уровень и в определенные моменты тесно смыкаясь с общерусским патриотизмом, как в ходе Отечественной войны 1812 г.

Старая малороссийская культура в результате процессов русификации, затронувших и убежденных местных патриотов, уходила из жизни дворянства и городского мещанства в низовую крестьянскую среду. Тем самым национальное своеобразие региона сохранялось, но отношение к нему самих образованных украинцев существенно трансформировалось. Традиционную культуру представители дворянской элиты все больше воспринимали как простонародную и провинциальную, а великорусскую, общеимперскую – как «высокую», европейскую по духу и открывавшую более широкие перспективы для самореализации. Подобная система ориентаций к концу XVIII в. закрепились, по наблюдениям А. Каппелера, и на уровне двойной национальной номинации: хохлы – крестьянское простонародье, малороссы – представители ассимилированной элиты³. Переоценку этой иерархии начали в конце 1810-х гг. деятели уже следующего поколения, увлеченные романтической идеей «народности», однако и они понимали ее не политически, а в рамках ее исторического и этнографического колорита. Подлинный сдвиг здесь произошел лишь к середине XIX в., когда «старый региональный патриотизм умер», а на смену ему пришел «новый национализм, основанный на исторической

¹ Письмо В.Г. Полетики к А.И. Чепе от 2 февраля 1810 г. // Киевская старина. 1893. № 1. С. 56.

² См. богатый материал этого рода в кн.: Оглоблин О. Люди Старої України. München: Дніпрова Хвиля, 1959.

³ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений / под ред. А.И. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флори. М., 1997. С. 125–144.

антропологии, филологии и народной культуре (или на том, что тогда считалось народной культурой)»¹.

II

Учитывая очерченную историческую перспективу, можно, очевидно, говорить о нескольких стадиях формирования образа Украины, в основном совпадающих со сменой поколенческих ориентиров. Интересующий нас период приходится на вторую половину 1780-х – первую половину 1810-х гг., когда завершается ассимиляция малороссов, в свою очередь нацеленных на интеграцию в российскую среду. В качестве событийных вех здесь выступает инспекторский вояж Екатерины II по южным провинциям в 1787 г.², открывший череду путешествий в «полуденную Россию» (среди русских авторов) и подготовленный и сопровождавшийся всплеском местных историко-этнографических изысканий (в основном украинских). Дополнительный импульс интересу придали разделы Речи Посполитой 1792 и 1795 гг., актуализировавшие вопрос о политическом и историческом прошлом Украины. В ходе обсуждения этого вопроса вновь возросло число исторических публикаций. Завершается этот период к середине 1810-х гг., когда модернизационный проект Александра I, предполагавший, в частности, введение конституции для Царства Польского, вовлек в сферу обсуждения и Украину, пробудив, с одной стороны, активность русифицированной элиты (материалы харьковской журналистики³), а с другой – обострив внимание имперской публики к украинскому антиполонизму и республиканским традициям⁴.

При этом и для малороссиян, и для российских авторов, обращавшихся к украинской тематике, опорой становились просветительские представления, сложно трансформировавшиеся под воздействием нового исторического опыта. Их восприятие в украинской среде подпитыва-

¹ Raeff M. *Ukraine and Imperial Russia: Intellectual and Political Encounters from the Seventeenth to the Nineteenth Century*. P. 82.

² См.: Бессарабова Н.В. Путешествия Екатерины II по России. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2005; Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006.

³ Журналы «Харьковский Демокрит» (1816) и «Украинский вестник» (1816–1819), позднее «Украинский журнал» (1824–1825). Подробнее о них см.: Пиксанов Н.К. Областная литература в первой четверти XIX века // История русской литературы: в 10 т. М.: Л., 1941. Т. 5, ч. I. С. 349–352.

⁴ Здесь отчет можно вести от романа Ф.Н. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (1816, отд. изд. – СПб., 1819), начавшего создание декабристского «украинского текста».

лось устойчивой традицией сначала казацкой старшины (атаманов и других руководителей), а затем дворянства давать детям европейское образование, чаще всего в немецких университетах, где в последней трети XVIII в. формируется славяноведение как особая научная отрасль¹. В Европе учились представители старшего поколения малороссиян екатерининской эпохи – С.Е. Десницкий (Университет Глазго), Г.В. Козицкий и Н.Н. Мотонис (Лейпцигский университет), И.П. Хмельницкий (Кенигсбергский университет), И.В. Гудович (Кенигсбергский, Галльский и Лейпцигский университеты). В меньшей, но все же значительной степени это затронуло и младшее поколение – Ф.О. Туманского (Кенигсбергский университет), А.Ф. Шафонского (Лейденский, Галльский и Страсбургский университеты), В.Г. Полетику (Виленский университет)². Усвоению европейских просветительских концепций способствовала и активная переводческая деятельность, которой занимались выходцы с Украины для заработка, по роду должностных обязанностей (в частности, в коллегии иностранных дел) или ученых занятий (К.А. Кондратович, Г.В. Козицкий, Н.Н. Мотонис, Г.А. Полетика, Я.П. Козельский, С.Е. Десницкий, В.Т. Золотницкий, В.И. Крамаренков, В.Г. Рубан, Ф.О. Туманский, Н.Н. Бантыш-Каменский и мн. др.).

О европейских источниках работ об Украине хорошо свидетельствуют подготовительные выписки Я.М. Марковича к задуманному им энциклопедическому труду³. Среди них присутствуют ссылки на «Введение в историю европейскую» (СПб., 1718) С. Пуфендорфа, «Voyage à Constantinople par la Crimée» (1789) леди Э. Крэйвен, «Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne» (1783–1794) Н.Г. Леклерка, «Annales de la Petite-Russie ou Histoire des Cosaques-Zaporogues et des Cosaques de l'Ukraine ou la Petite-Russie» (1788) И.Б. Шепера, «Über Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur, Industrie und Producte» (1796) В.Х. Фрибе, «Reise durch Oberschlesien zur Rußisch-Kayserlichen Armee nach der Ukraine und zum Feldmarschall Rumanzow Sadunaïskoy» (1789) К.Ф.Е. Гаммарда, «Das europäische Russland» («Große Erdbeschreibung», т. 3, 1784) А.Ф. Бюшинга, «Geschichte der Uk-

¹ В трудах И.Г. Гердера, К. Антона, Л.А. Гебгарди, И.Х. Энгеля, И. Рорера, Б. Гаке, И.К. Аделунга и др. См.: *Ламанский В.И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. С. 61 и далее; *Липтева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. С. 15–42.

² См.: *Дзюба О.* Українці в культурному житті Росії (XVIII ст.): причини міграції; *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005.

³ См. их обзор: *Лазаревский А.* Прежние изыскатели малорусской старины // Киевская старина. 1894. № 12. С. 359–360, 373–378.

raine und der ukrainischen Kosaken» (1796) И.Х. Энгеля, «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» (1784–1791) И.Г. Гердера и др.¹ Набор трудов позволяет констатировать, что для Я.М. Марковича, так же как и для его сверстников, были актуальны фактически все основные просветительские концепции, связанные с восприятием национальных окраин Европы². Их отбор и применение к украинскому материалу существенно зависели от позиционирования автора, прорусского или «традиционалистского», от того, был он выходцем из Малороссии или представителем имперской культуры, однако общая парадигма была достаточно устойчива и предполагала в качестве основного элемента *дистанцирование от предмета изображения*.

В сочинениях русских и иностранных авторов, находившихся на русской службе (Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер, С.Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт и др.) такое дистанцирование было вызвано, очевидно, инонациональным характером материала, а для писателей-украинцев оно оказывалось следствием культурно-психологического разрыва: старая Малороссия с ее историей и самобытным укладом неотвратимо уходила в прошлое и становилась объектом не столько живого представления, сколько реконструкции. Так, А.И. Мартос, в будущем автор неизданной «Истории Малороссии» и горячий украинский патриот, горько, но трезво заметил в 1811 г. у могилы Мазепы в Молдавии:

Мазепа умер в отдаленности от отечества своего, коего он защищал независимость; он был друг свободы и стоит уважения потомства. <...> Его не стало, а имя Малороссии и ее храбрых казаков изгладилось из списка народов, хотя не великих числом, но известных своим существованием и конституцией. Теперь богатая Малороссия составляет наряду с прочими две или три губернии; но это общий удел государств и республик: стоит только заглянуть в политическую историю наций³.

В то же время при символическом освоении образа Украины фундаментальным затруднением выступала презумпция близости, «одноприродности» малороссийского и великороссийского начал, разделявшая элитами обеих культур, даже убежденными традиционалистами. Будучи включенным в постепенно формирующийся проект «большой русской нации» (А.И. Миллер), украинский элемент требовал специфици-

¹ Ср. также источники, приводимые Д.Н. Бантыш-Каменским в его «Истории Малой России со времен присоединения оной к российскому государству при царе Алексее Михайловиче» (Ч. 1–4. М., 1822).

² См.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое лит. обозрение, 2003.

³ *Записки инженерного офицера Мартоса о турецкой войне в царствование Александра Павловича 1806–1812* // Русский архив. 1893. Кн. 2, № 7. С. 345.

ческих инструментов репрезентации, которые, сохраняя установку единства, не стирали бы местных различий. Это балансирование на грани своего и чужого, нормального и экзотического, общего и отличного составляло неотъемлемую принадлежность «украинского текста», отражая, среди прочего, амбивалентную идентичность его создателей – малороссиян, а иногда и представителей имперской культуры, проникшихся региональным патриотизмом.

Исходным просветительским концептом, который сложно поддавался указанной трансформации, был закрепившийся в европейском общественном мнении с «подачи» Вольтера образ воинственных дикарей-казачков как наиболее характерных представителей Украины. В «Истории Карла XII» (1731) казачество представало как «самый странный народ на земле»:

Это собрание потомков русских, поляков и татар, известное защитой христианства и разбоем, подобным тому, что творят флибустьеры. Они сами выбирают своих предводителей, которых часто свергают и нередко при этом убивают. Они не терпят никаких женщин промеж себя, но просто умыкают всех детей на двадцать или тридцать лиг вокруг и выращивают их в соответствии со своими обычаями. Летом они все время в походах, а зимой отдыхают в своих куренях, где размещаются по четыреста или по пятьсот человек. Они ничего не боятся, живут вольными людьми и презирают смерть¹.

В «Истории Российской империи в царствование Петра Великого», которую Вольтер создал по имперскому заказу, а перевел на русский, заметим, малоросс Н.Н. Бантыш-Каменский уже в 1760 г., сразу после выхода первой части (1759), этот образ оказался отягощен еще и политическими коннотациями – казаки предстали воплощением варварского анархизма, сопротивляющегося любым цивилизующим мерам². Выдвижение на первый план при описании Украины именно казачества и Запорожской Сечи стало одним из стереотипов просветительской литературы (И.Б. Шерер, И.Х. Энгель, К. Хаммерсдерфер, А.В. Хюпель, М. Лесюр и мн. др.³), в том числе российской и украинской.

В период екатерининских реформ имперская рецепция казачества фактически полностью соответствовала вольтеровскому подходу, что объяснялось негативным восприятием полувоенной социальной организации Гетманщины и прочностью автономистских традиций в казачьей

¹ *Voltaire. Histoire de Charles XII, roi de Suède.* Paris: Chez Jacob Tonson, & se vend chez les librairies Francoises, 1734. P. 191–192.

² См.: *Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous le Pierre le Grand // Œuvres complètes.* Paris: Au Bureau de la Sociétés des publications illustrées, 1846. Vol. 4. P. 594 и др.

³ См.: *Зарубежная историография истории запорожского казачества: сб. ст. Запорожье: Изд. Запорозького державного університету, 1992.*

среде. С точки зрения самодержавного централизма склонность к этим традициям представляла как недопустимая анархия. Историк Г.Ф. Миллер, подготавливая в 1760-е гг. справки для Н.И. Панина, П.А. Румянцева и других вельмож, писал в «Рассуждении о запорожцах»:

Запорожцами в старину назывались все малороссийские козаки вообще <...>. Род их жития, по коему они <...> жен не держат, землю не пашут, питаются от скотоводства, звериной ловли и рыбного промысла, а в старину больше в добычах, от соседственных народов получаемых, упражнялись. Обычай их к праздности и к пьянству склонные; пренебрежение торгов, кроме для своих житейских надобностей; необузданная вольность; прием всякого у них взброду людей всех языков, всех вер, токмо, чтоб у них будучи, внешняя должность грекороссийского (т.е. православного. – В.К., Т.В.) закона наблюдалась; допущение таких в свое сообщество без всякого письменного свидетельства, не разбирая их достоинств или пороков <...>; неимение письменных законов, коих иметь и не желают, опасаясь умаления их вольностям, и словом, лишение всех гражданских порядков <...>. Сии обстоятельства не могут никому благосклонного о запорожцах подать мнения, потому что их обычай всякому, на здравом разуме и на истинных правилах основанному гражданскому обществу, противоборствует¹.

Восходящая еще к средневековым источникам топика «нечистого народа»² в этой и ряде схожих характеристик Г.Ф. Миллера³ нагружается комплексом просветительских мотивов, связанных с примитивными обществами: набеговая экономика, отсутствие законодательства, аморфные социальные связи. Тем самым казачество как остаток глубокой архаики, а вслед за ним и вся Малороссия требует даже не аккультурации, а перехода к решительно иному – цивилизованному – состоянию.

В прагматическом плане это выразилось в крайне негативном отношении Екатерины II и администрации П.А. Румянцева к Запорожской Сечи, окончательно упраздненной в 1775 г. Высочайший манифест от 3 августа воспроизводил всю топику Вольтера и Миллера, обосновывающую нецелесообразность сохранения в новой цивилизующейся Малороссии столь дикого пережитка:

Запорожские [казаки], одичав в своих ущелинах и порогах, где первобытно, по способности мест, одна только военная стража учреждена была к отражению татарских набегов, составила из себя мало-помалу совсем особ-

¹ [Миллер Г.Ф.] Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах Г.Ф. Миллера, бывшего историографа российского, писанные на русском и немецком языках и хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел. М., 1846. С. 40.

² См. о ней: Киселев В.С. Формы колониального дискурса в раннем русском летописании (к постановке проблемы) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 2 (6). С. 23–40.

³ Миллер Г.Ф. Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах <...>. С. 65–66 и др.

ливое, странное и намерению Самого Творца <...> противоборствующее политическое сонмище¹.

Не отказываясь в дальнейшем от использования казачьих войск, преобразованных в регулярные части, имперская власть ставила негласный запрет на восстановление каких-либо институтов Сечи и даже ее символики. Так, в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Екатерина II наставляла Г.А. Потемкина, организовавшего полки черноморского казачества:

Что верные запорожцы верно служат, сие похвально, но имя запорожцев со временем старайся заменить иным, ибо Сеча, уничтоженная манифестом, не оставила по себе ушам приятное прозвание. В людях же незнающих, чтоб не возбудила мечты, будто за нужно нашлось восстановить Сечу либо название (1788)².

И в дальнейшем в официальном дискурсе образ Сечи и казачества, периодически актуализировавшийся при создании проектов местного ополчения (1794, 1807, 1812, 1831), как правило, трактовался в качестве потенциально опасного. О его сомнительных коннотациях предупреждал, например, А.А. Безбородко того же Г.А. Потемкина, предлагавшего восстановить казачье войско на Левобережной Украине:

Следовательно, было бы возмутить свой собственный народ, помнящий времена Хмельницкого и склонный к казачеству. Тут сделалась бы военная нация и тем опаснее, что и Малороссия заразилась бы тотчас тем же духом, а за нею и его губерния (Новороссийская. – В.К., Т.В.), от чего и вышла бы нового рода революция, в которой, по крайней мере, принуждены будем восстанавливать гетманство, позволять многие нелепые свободы, и словом терять то, чем смирно и тихо навеки бы владели (1794)³.

В результате этого административного давления у авторов рубежа XVIII–XIX вв. образы казачества и Сечи существенно трансформировались. Крайним вариантом здесь выступало исчезновение из дискурса этого важнейшего образа. Так, в «Путешествии в Малороссию» П.И. Шаликова полностью отсутствуют какие-либо упоминания о казаках и самостоятельной истории Украины, а А.И. Левшин в «Письмах из Малороссии», не проявив какого-либо интереса к Запорожью, ограничился общей констатацией:

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 20. С. 190 (№ 14354).

² Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел, 1744–1796: в 5 т. СПб., 1871–1885. Т. 4. С. 476.

³ Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко: в 2 т. СПб., 1879–1880. Т. 2. С. 261.

Малороссияне назывались прежде козаками и гордились сим названием – славным в летописях мира. Они теперь разделяются подобно прочим жителям России на дворян, духовных, купцов, мещан и крестьян; а имя козаков осталось только при одном состоянии¹.

Единственный казак, описанный на страницах его путешествия, вполне воплощает этот уход в прошлое, причем даже воспоминания престарелого героя принадлежат полностью русифицированной истории – событиям прусской кампании 1756–1763 гг.:

Сегодня поутру видел я древнего козака Малороссийского; сего дня поутру говорил я с почтенным 96-летним воином. <...> ...Когда заговорил о семилетней войне, во время которой служил он; <...> когда начал описывать победу, под Кунерсдорфом русскими одержанную, – некоторый священный жар одушевил его...²

Более сложным вариантом была «нормализация» казачества, его превращение из полного антипода цивилизованного сообщества в легитимный этносоциальный образ украинского народа, наделенного не экстраординарными, но «естественными» чертами. Образец такого подхода – фундаментальная и широко известная этнографическая энциклопедия И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». Первое ее трехчастное издание, которое вышло в 1776–1780 гг. и заслужило высочайшее одобрение Екатерины II, обошлось без упоминания народов тех стран, чьи территории были относительно недавно присоединены к России или попали в орбиту ее влияния, – Закавказья (армяне, грузины) и Польши, однако отсутствие в книге сообщений о «малороссах» выглядело странным. Этот пробел решил восполнить М.И. Антоновский, украинец, издатель журнала «Беседующий гражданин», близкий к А.Н. Радищеву и Н.И. Новикову³. Принадлежа к ассимилированному поколению и разделяя мысль о благотворности имперского соединения народов под сенью российских монархов, он в то же время был далек от вольтеровских подходов, по поводу чего высказался уже в 1782 г. в полемической лекции «Больше ли вреда или пользы принесли Европе крестовые походы?». В результате в четвертой части, которую он добавил к новому, подготовленному им переводу книги И.Г. Георги (СПб., 1799)⁴, центральное место заняли россияне (русские) и каза-

¹ Лезшин А. Письма из Малороссии. Харьков, 1816. С. 60.

² Там же. С. 30–31.

³ См. о нем: Ваууро В.Э. Антоновский Михаил Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л., 1988. С. 35–37.

⁴ О вкладе М.И. Антоновского см.: Токарев С.А. Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // Вестн. МГУ. Ист.-филол. сер. 1958. № 4. С. 113–127.

ки. В число последних вошли малороссияне и запорожцы, отделенные друг от друга и отодвинутые как самостоятельные народы в прошлое (главы «Малороссийские козаки (бывшие)» и «Запорожские козаки (бывшие)»). Кроме того, в финале очерка о запорожцах М.И. Антоновский полностью воспроизвел Высочайший манифест 1775 г. с его уничтожающими характеристиками. Соблюдая необходимую дистанцию, он тем не менее построил свой нарратив на мотиве этнической близости. Происхождение запорожского казачества М.И. Антоновский возвел к русским («они были потомки казаков черкасских, на Днепре поселившихся после изгнания их из Курского княжества»¹), вынужденным жить на татарской земле и оказавшимся заложниками крымского хана, но сохранившим русский дух и преданность московскому царю. Раз за разом с XVI в. они воевали за Россию и мечтали только принять ее подданство, однако «немало прошло лет, что со стороны российского правительства и слышать о запорожских казаках не хотели»². Когда же при Анне Иоанновне объединение совершилось, «радость запорожских казаков <...> была неописанная»³. Эта-то радость, утверждал Антоновский, способствовала многочисленным подвигам казаков в дальнейших войнах империи.

На фоне «нормализованного», сближенного с русскими, образа казачества яснее выступила просветительская установка М.И. Антоновского – подчеркивание «естественного» демократизма Сечи, переносимое и на образ Малороссии в целом. Ее истоком служили идеи не Вольтера, а уже Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете, изложенные в «Общественном договоре» и вскоре примененные к польским событиям 1768–1772 гг.⁴

Они получили широкое развитие в немецкой традиции конца XVIII в. Ярчайший образец здесь – магистерская диссертация И.Х. Энгеля «*Commentatio de republica militari seu comparatio Lacadaemoniorum, Cretenaium et Cosacorum*» (1790), сравнивавшего Сечь с военными республиками Спарты и Крита, и его позднейшая «*Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken*» (1796). Еще одним распространенным вариантом было сопоставление казаков с рыцарским орденом, ведущим войны с неверными и соблюдающим обет безбрачия и нестяжания («*Annales de la*

¹ Цит. по изд.: Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Русская симфония, 2007. С. 716.

² Там же. С. 720.

³ Там же. С. 721.

⁴ См.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. С. 351–360.

Petite-Russie ou Histoire des Cosaques-Zaporogues et des Cosaques de l'Ukraine ou la Petite-Russie» (1788) И.Б. Шерепа).

Республиканский контекст, на функционирование которого оказали большое влияние события Французской революции, подразумевал внутреннюю амбивалентность: в случае «разумного» применения свобод республиканские принципы оценивались положительно, однако гипертрофия вольности, переходящая в анархию или безрассудный фанатизм, воспринималась как разрушение принципов гражданского общества и путь к гибели государств и народов (так оценивает, например, К.К. Рюльер Запорожскую Сечь в «*Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république*»: 1770–1780-е гг., изд. в 1807 г.). У М.И. Антоновского на первый план вышла именно эта логика. Он с сочувствием описывает демократический строй, простоту и естественность законов:

<...> всякий козак мог быть кошевым, так и, получа сию честь, оставался при своем курене и бывал паки простым козаком, когда его товарищи не желали больше быть у него в послушании и избирали на место его другого¹; <...> запорожские козаки <...> не имели никаких письменных законов; одно по понятию суждение и введенные обычаи определяли приговоры и наказания²,

искреннюю религиозность, отсутствие роскоши, патриотизм и храбрость казачества, отвергая по ходу повествования наиболее одиозные представления об их повальном пьянстве, дебоширстве и гомосексуализме. Тем не менее именно тяга к анархии, все шире развивавшаяся, согласно Антоновскому, стала причиной гибели старой Сечи и ее распуска в 1775 г.:

Впрочем <...> удобно понять из описанного, что, по необузданной их жизни и по отдалению их, нельзя было отнюдь содержать их в надлежащем повиновении и благоустройстве, как сие и из манифеста почивающей в Бозе монархини <...> явствует³.

Предложенная М.И. Антоновским образная конструкция учитывала культурно-идеологические изменения рубежа XVIII–XIX вв. и оказалась популярной. Ее основные мотивы вскоре концентрированно воспроизвел В.В. Измайлов в «Путешествии в полуденную Россию» (1802), ставшем ходовым источником представлений о Малороссии. Судьбу казачества он оценивает как естественную, схожую с судьбами иных республик:

¹ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... С. 726.

² Там же. С. 733.

³ Там же. С. 740.

Их общество было подобно всем тем обществам, которые в младенчестве народов являлись одни за другими на театре мира <...>. Запорожская Сечь <...> была в основании своем истинная республика. Наследственные титулы и почести у них не существовали; любовь, доверенность и выбор подавали право на приобретение власти <...>. Образ жизни главного атамана <...> не отличались ничем от других его сотоварищей. <...> Советы их, под именем рады, были самые торжественные и примечательные. Все запорожцы собирались в открытом поле, чтобы судить единогласно о внутренних и внешних делах своих, придумывать лучшие средства и трудиться общим умом над решением важных вопросов о благосостоянии общества¹.

Топике патриархальной республики В.В. Измайлов противопоставляет, однако, мотивы анархизма и буйства:

Вы видели, может быть, лучшую сторону их; взгляните и на дурную. <...> Пристрастие, наглость и заговоры бушевали в последствии времени заседания совета, столь благородного в своем начале <...>. Вместо рассуждения, вместо позволительного прения, царствовали брань и ссора, и ратоборцы ума делались бойцами народных площадей. Прибавьте к сему, что во время начальника, нелюбимого в Сечи, они предавались таким неистовствам, что никакая власть не могла восстановить порядок².

Вывод оказывался предпрешен:

Устав, противоречащий уставам природы, не может долго существовать в человечестве и должен рано или поздно ускорить разрушение того общества, которое его приняло³.

III

Образ республиканской Сечи, а вслед за ней и Малороссии в целом мог, однако, трактоваться совершенно иначе, выступая не как пример упадка от разраставшейся анархии, а как воплощение жизнеспособного общественного устройства. Этот вариант стал основным для поборников прав и свобод старой Украины. Идеологическую основу он нашел в полонофильской просветительской литературе, в особенности в «Соображениях об образе правления в Польше» (1771) Ж.Ж. Руссо и «Образе правления и законах Польши» (1782) Г. Мабли, где дворянская республика, в которой зная была средоточием национального духа, противопоставлялась деспотической России, лишенной национального единства и связанной только авторитарной властью монарха. Перенос этой кон-

¹ Измайлов В.В. Путешествие в полуценную Россию: в 3 ч. М., 1802. Ч. 3 (на титульном листе Ч. 4). С. 13–17.

² Там же. С. 18–19.

³ Там же. С. 21.

цепции с образа Польши на образ Украины – заслуга старшего поколения традиционалистов, в частности Г.А. Полетики, отстаивавшего идеи малороссийской дворянской демократии в ходе работы Комиссии по составлению нового уложения¹.

Выдвижение на первый план шляхетства требовало, однако, отказа от эгалитаристских элементов, столь сросшихся с представлением о Сечи. Одно из ранних произведений, в котором происходило подобное переосмысление, – «Разговор Великороссии с Малороссиею» (1762) С. Дивовича, где казаки рисовались не анархическим воинством, а организованным сообществом со строгой дисциплиной и иерархией власти, выводимой из традиций Речи Посполитой:

<...> козаки с выборными своими
Продолжали брань кровну з землями чужими.
Потом Стефан Баторий, король польский славный,
Привел козаков еще в лучший строй и главный;
Ибо чрез год гетмана над ними поставил,
Вольности вновь надал и прежние доставил,
И прислал ему арматы, бунчук з булавою
И всякие воинские припасы з корогию,
Учредив тож по гетмане обозных судей,
Асаулов, сделав порядок в их стране всей,
Определив также и полковников в полках,
Привилегиями ствердил в вечных временах².

Расслоение казацкой старшины и формирование дворянского сословия Малороссии, происходившее в постоянной борьбе за подтверждение своего статуса перед имперской властью, придало особую значимость образу шляхетства как элементу национальной идентичности, как носителю и ревностному хранителю «исконных» прав и свобод. На рубеже XVIII–XIX вв. эта тенденция коррелировала с утверждавшимися национально-патриотическими движениями русского дворянства, в том числе оппозиционными, пример чему – сотрудничество М.И. Антоновского (не отличавшегося, впрочем, постоянством убеждений) и А.Н. Радищева. Ко второй половине 1810-х гг., когда идеи дворянской фронды вошли в противоречие с принципами абсолютной монархии, украинский исторический материал быстро стал популярным, выступив как образец свободолюбия и борьбы против деспотизма (от романа Ф.Н. Глин-

¹ См.: Литвинова Т.Ф. Общественная мысль Украины второй половины XVIII – первой половины XIX веков: Григорий и Василий Полетики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Днепрпетровск, 1993.

² Разговор Великороссии с Малороссиею (Литературный памятник второй половины XVIII века) // Киевская старина. 1882. Т. 1. С. 331.

ки «Зинобей Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» до «Войнаровского» К.Ф. Рылеева).

Наиболее последовательное выражение образ республиканской шляхетской Малороссии нашел в «Истории русов», датируемой, по современным данным, началом XIX в.¹ Прежде всего, ее автор отказывается видеть в Сечи анархическое сообщество:

Таким образом завелась Сечь Запорожская <...>. Правительство, признавши их полезными, учредило между ими по их выборам старшин и главного атамана, кошевым названного, и оставила по прежнему в команде гетмана малороссийского, коему они и место их пребывания принадлежали всегда².

Следующим шагом, вслед за подтверждением регулярного характера власти, он ставит под сомнение эгалитарный характер казачьей республики:

От такого общего названия русских воинов козаками, вышла в последствии та ошибка, в которую впали все писатели малороссийские и польские, полагая в своих летописях и историях, что <...> гетманы выбираемы были из простых или реестровых козаков. Но это весьма несправедливо и здравому рассудку предосудительно; ибо козаки всегда имели в полках и провинциях своих многих чиновников разных степеней, как-то: старшин генеральных, полковых и сотенных, и земских урядников. И какая же статья или что за правило, мимо такого числа чиновников, выбирать простых козаков? А когда сие приписывается уважению заслуг и достоинств, то натурально, что офицеры, заслуженнее и достойнее от простых воинов, и вошли в чины свои непременно по сим качествам; обходить же их в выборах гетманских значило бы нечто вздорное, одни неудовольствия, возмущения и междоусобие приносящее³.

Последовательное подчеркивание иерархичности казачьей республики своим очевидным образцом имело строгую градацию петровской «Табели о рангах». В среде казацкой старшины второй половины XVIII в. сохранялось стойкое представление о более низком статусе российского дворянства, вынужденного государственной службой добиваться прав и привилегий, тогда как вольности малороссийского шляхетства были изначально утверждены нормами Литовского статута. Только Жалованная грамота 1785 г. поставила обе элиты в равное положение, сделав принадлежность к дворянскому сословию привлекательной для малороссов. Унификация системы украинских чинов в соответствии с «Табелью о рангах» в ходе реформ П.А. Румянцева⁴ предлагала удобные

¹ См.: Яковенко Н.Н. Вступ до історії. Київ: Критика, 2007. С. 149.

² История русов / соч. Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. М., 1846. С. 14.

³ Там же. С. 18.

⁴ См. выразительный образец гибкой политики Румянцева в этом вопросе: Письмо П.А. Румянцева-Задубайского к генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому о награждении малороссиян чинами (2 мая 1774 г.) // Киевская старина. 1891. № 1. С. 176–177.

инструменты для обретения или подтверждения дворянства. Именно эта установка отозвалась во фрагментах «Истории русов», посвященных социальной структуре казачества, с особым акцентом на республиканских традициях шляхетства, который и определял авторскую идеологию. В понимании этих республиканских традиций неявным образом становилось уже дворянство Речи Посполитой – к нему-то и приравнивалась казачья старшина, описываемая в откровенно «модернизируемых» формах:

Шляхетство, по примеру всех народов и держав, естественным образом составлялось из заслуженных и отличных в земле пород и всегда оно в Руси именовалось рыцарством, заключающим в себе бояр, происшедших из княжеских фамилий, урядников по выборам и простых воинов, называемых козаками по породе, кои производя из себя все чины выборами и их по прошествии урядов возвращая в прежнее звание, составляли одно рыцарское сословие, искони тако самым их статутным правом утвержденное, и они имели вечною собственностью своею одни земли с угодьями, а поспольством владели по правам и рангам, и повинность посполитых была установлена правами¹.

Превращение казачества в шляхетство, ретроспективно совершенное в «Истории русов», демонстрирует общую логику трансформации образа Украины на рубеже XVIII–XIX вв., присутствующую в трех описанных вариантах (архаическое варварство, полувцивилизованная, но обреченная на падение вольница и иерархическая дворянская республика). Все они тем или иным способом разрушают отождествление современной Малороссии с казаками: в одном случае – через однозначно негативное отношение и полуофициальный запрет на наследие Запорожской Сечи, в другом – через акцент на истощенности казачьей демократии, в третьем – через «нормализацию» казачества по польской или российской модели. Тем самым казачья Украина неотвратимо отодвигалась в прошлое и становилась предметом исторической реконструкции или вовсе уходила из культурной памяти.

Своеобразие современной Малороссии, описываемой образованными авторами нового поколения 1810-х гг., осмыслялось по контрасту с ее прошлым. Главным выразителем этого своеобразия становилось простонародье, самобытность которого можно было передать только извне, глазами человека из иной, более высокой и уже общероссийской культурной сферы. Примечательно, что первые развернутые этнографические описания Украины создают сами малороссыяне, что, заметим, выпадает из европейской модели освоения колониальных окраин, изучае-

¹ История русов. С. 7.

мых обычно выходцами из метрополии. А.Ф. Шафонский, Я.М. Маркович, М.Ф. Берлинский, А.И. Ригельман, принадлежа к ассимилированному поколению украинской знати, получили возможность взглянуть на малороссийское крестьянство и его традиционную культуру как на объект внешней реконструкции. Эта дистанция определила и концептуальную основу образа, которой стало руссоистское представление о «естественном человеке».

В подтексте работ первых украинских этнографов было противопоставление современных малороссов воинственным варварам-казакам, олицетворявшим прошлое Украины. Подобное очень устойчивое расслоение образа получило санкцию свыше в апокрифическом высказывании Екатерины II, позднее использованном А.С. Пушкиным в рецензии на гоголевские «Вечера...»: «Народ, поющий и пляшущий, зла не мыслит»¹.

Всемерное подчеркивание миролюбивого характера украинцев, их довольства, лояльности, патриархальной преданности царствующей династии составляло неперемennую часть официальной идеологии, воплощенной в том числе в ритуальной программе высочайшего путешествия 1787 г. – как в многочисленных приветственных речах императрице, так и в ее ответных высказываниях. Предводитель харьковского дворянства П.Ф. Шидловский провозглашал:

Да увидим мы в стране своей <...> великую свою обладательницу и несравненную мать отечества! Тогда всеобщий восторг целого нашего общества, радостные лица и восклицания счастливых обитателей обильных полей наших внушат более чувствительной душе твоей и соделанное тобою благополучие твоих верноподданных, и признание их к непрестанно изливаемым твоим щедротам².

Подобный идиллический образ сопровождался еще и мотивами цивилизующей деятельности, иногда не просто улучшающей жизнь Малороссии, но создающей ее заново – из природной дикости без следов человеческого присутствия, как в не опубликованном при жизни автора «Случае на выборах» В.В. Капниста (1785), посвященном избранию поэта предводителем дворянства Киевского наместничества:

На бреге горда Бористена,
Где прежде на пустых полях
Скрывался алчный волк в кустах <...>

¹ См. об этом: *Лотман Ю.М.* Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя // *Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение.* XV. Учен. зап. Тарт. ун-та. 1970. Вып. 251. С. 34.

² Цит. по: *Есипов Г.В.* Путешествие императрицы Екатерины II в Южную Россию в 1787 году // *Киевская старина.* 1891. № 1. С. 111.

Там, славою Екатерины
Гордяся, град чело вознес
Превыше облак, до небес.
По слову северной богини
Покрылась жатвами земля,
Реками наполнились пустыни,
Стадами устланы поля.
Из сел, упитанных покоем,
Народ из град стекался роем
Закону мудрому внимать
Наперснице бессмертной славы,
Из рук ее в сердца принять
Божественны права, уставы
И праведных судей избрать¹.

Украина становилась своеобразным вариантом Тавриды, лишаясь исторического прошлого, кроме самого древнего, легендарного, и выступая полем имперского культуртрегерского творчества². Такое восприятие отразилось и в киевских впечатлениях Екатерины II, подчеркивавших запустение города, интересного только своими памятниками:

С тех пор как я здесь, все ищу: где город, но до сих пор ничего не обрела, кроме двух крепостей и предместий; все эти разрушенные части зовутся Киевом и заставляют думать о минувшем величии этой древней столицы³.

Преобразованию города императрица планировала посвятить ряд мероприятий – благоустройство, снос ветхих зданий и строительство новых, обновление Киевской духовной академии, перестройка Подола и пр. Митрополит Самуил (Миславский) посвятил этим начинаниям «Слово о великих предметах учреждений Екатерины» (1777), однако «киевский проект» оказался в итоге заслонен более привлекательными перспективами проекта «новороссийского» и остался нереализованным, сохранив за древней столицей репутацию глухой провинции⁴. Окончательно план перестройки Киева был отменен указом Павла I от 13 октября 1797 г.

Элементом имперской программы были и первые подробные описания Малороссии, которые готовились для представления ко двору и бы-

¹ Каннист В.В. Собрание сочинений: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. С. 98–99. Ср. также знаменательное начало отчета П.А. Румянцева перед Екатериной II о состоянии дел в Малороссии: «Древность не оставила здесь никаких следов, каким образом Малая Россия управляема была» (Киевская старина. 1884. № 12. С. 693).

² О роли Крыма в «греческом проекте» Екатерины II см.: Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... С. 31–64.

³ Русская старина. 1873. № 8. С. 673.

⁴ См.: Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. С. 39–63.

ли разбиты по наместничествам (Киевскому, Черниговскому, Новгород-Северскому). Характерно, что они согласно утвержденному перечню пунктов 1784 г. полностью исключали исторические экскурсии и тем самым исходили из презумпции различия «старой» и «новой» Украины. А.Ф. Шафонский, описавший Черниговское наместничество и представивший свой труд Екатерине в ходе ее путешествия, посчитал все же этот подход недостаточным и во второй – четвертой главах ввел краткий исторический обзор, соответствовавший официальной концепции (осуждение Сечи, акцент на казацкой анархии) и уделявший основное внимание событиям после присоединения к России (предшествовавшая история Украины укладывается в 16 страниц вместе с попутными размышлениями). Этому очерку в первой главе предпослана характеристика современных малороссов:

Малороссийский народ вообще, от самого знатного до последнего человека, имеет нрав тихий, робкий, застенчивый и не нахальный <...>. Он в общении ласков, благосклонен, учтив, простодушен, гостеприимчив, не корыстолюбив, не предприимчив, более не весел, нежели весел, набожен и суеверен, ленив и неподвижен, к тяжбам и ябедам склонен, мстителен и не трезв, телом сановит, бел, здоров¹.

Этот портрет разительно отличался от образа воинственного и вольнолюбивого казака и был скорее близок к просветительскому представлению о наивном простолюдине, чистом душою, но отягощенном суевериями и уже несколько испорченном цивилизацией. Патриархальность традиционного уклада А.Ф. Шафонский в дальнейшем неоднократно подчеркивал, отмечая новые элементы в жизни украинцев, возникавшие под великорусским влиянием за последние 30–50 лет. Получивший образование в немецких университетах, автор снисходительно относится к примитивности и суевериям малороссийского простонародья, однако уже в духе гердеровской традиции с интересом описывает ритуалы («аллегорические обряды и церемонии <...> столь обширны, что они особого требуют описания²»), сохранившиеся в его среде и забываемые дворянами.

Находит у А.Ф. Шафонского место и декоративная экзотика «народа поющего и пляшущего», игравшая столь значительную роль в ходе высочайшего путешествия. Прием, устроенный императрице П.А. Румянцевым, был гораздо менее пышным, нежели потемкинский, однако и пребывание в Малороссии отмечалось красочными торжест-

¹ Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851. С. 25.

² Там же. С. 27.

вами с местным национальным колоритом. Например, при въезде в Киев кортеж встречали

<...> женщины и девушки из простого народа в малороссийских кафтанах. У первых на головах были кораблики, у девушек в косах были вплетены цветы, и сверх того из корзин они бросали цветы под карету императрицы¹.

В «Топографическом описании» мужским и женским народным костюмам, в том числе и с рисунками, уделено особое внимание, сопровождавшееся ностальгическим комментарием:

<...> тогда еще никаких немецких и французских одеяний и нарядов не знали. Ныне весьма редко благородную можно в старинном платье увидеть, а все или совершенно в французском, или в смешанном с малороссийским платьем <...> ходят².

И наконец, как неременная черта малороссиян описана их музыкальность:

Малороссияне все склонны к музыке, и обыкновенно на скрипке, на гуслях, цымбалах и на бандуре, на дудках, а литвяки на волынке играют. Ни одной простой свадьбы без музыки не бывает. К пению они особливую имеют склонность и способность; пляшут почетные по-польски, а простые своим образом, скоро, на швабский похожий³.

Мотив пения и пляски был постоянным в характеристике Украины, переходя от одного автора к другому:

Малороссияне <...> нравом веселы, обходительны, склонны к музыке...⁴;

<...> у каждого поселянина есть скрипка <...>⁵;

Пляска малороссиян стройна и прекрасна. Песни их нежны, выразительны и по большей части протяжны. <...> О голосах их нечего тебе говорить. Гибкостью, чистотою и приятностию оных они превзошли почти всех жителей России⁶.

Образ мирной, патриархальной и декоративно-яркой крестьянской Малороссии, созданный А.Ф. Шафонским и другими авторами-украин-

¹ Есипов Г.В. Путешествие императрицы Екатерины II в Южную Россию в 1787 году. С. 104.

² Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. С. 34.

³ Там же. С. 26.

⁴ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. 2-е изд. СПб., 1806. Ч. 1. С. 138–139.

⁵ Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 60.

⁶ Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 76–77.

цами, богатый в то же время точными деталями и очень разносторонний, в великорусском варианте почти всегда упрощался и схематизировался. В нем типичные руссоистские черты заслоняли этнографическую составляющую, что, впрочем, соответствовало представлению об одноприродности русских и малороссов. Карамзинские описания простолюдинов с их устойчивой топиной (добродетельная крестьянская девушка-красавица, образец дружбы в «низком состоянии», сельский благотворитель и т.п.) переносились в украинские путешествия В.В. Измайлова, П.И. Шаликова, А.И. Левшина без какой-либо существенной трансформации, лишь с добавлением нескольких колоритных деталей. Концептуальное обоснование тому дал А.И. Левшин.

Оставим различные состояния людей, забудем отличия, производящие между ими неравенство, обратимся к человеку вообще. Согласимся с Руссо в том, что он одинаков во всех обществах и что, следовательно, большего уважения нашего заслуживают многочисленнейшие из них (т.е. крестьяне. – В.К., Т.В.)¹.

Левшинское описание национального характера сводится к набору нравственных характеристик, присущих крестьянству, с которым и отождествляется современный, но все же патриархальный облик Малороссии: «Благорастворенный воздух и плодородные земли давали бы жителям здешним право называться любимыми детьми природы»². Среди этих черт – «благоговение к религии», «любовь к отчизне и <...> славе предков своих», желание сражаться «за веру и государя», «честность», «семейственное согласие», «целомудрие» и др. Особую статью составляют проявления естественности: «чувствуя любовь, малороссияне не скрывают ее и не томятся», их примета – «веселость и склонность к забавам», однако другая сторона баловней природы – недостаток трудолюбия, суеверия и предрассудки и в том числе – дикарское недоверие к «москалям»³.

Стереотипизация образа наивных «хохлов» нашла свое завершение в комедиях А.А. Шаховского «Казак-стихотворец» (1812) и П.Н. Семенова «Удача от неудач» (1817). Альтернатива такому образу украинцев наиболее явно была выражена в краткой и незавершенной работе Я.М. Марковича «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях». В ее основе лежали идеи И.Г. Гердера, с трудами которого Я.М. Маркович был хорошо знаком и сделал даже ряд выписок из четвертой части «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» (1791). В гердеров-

¹ Левшин А.И. Письма из Малороссии. С. 65.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 65–77.

ской концепции на первое место выходило не различие между цивилизованными и примитивными народами, а преемственность культурного развития, связывавшего архаическую и современную стадии. Культурное наследие прошлого в этом свете оказывалось ключом к настоящему и будущему нации, в случае славян и конкретно Украины – блестящему:

Но колесо все переменяющего времени вращается неудержимо, и поскольку славянские нации по большей части населяют самые прекрасные земли Европы, то когда все эти земли будут возделаны <...> то и славянские народы <...> некогда столь трудолюбивые и счастливые, пробудятся, наконец, от своего долгого тяжелого сна <...> станут возделывать принадлежащие им прекрасные области земли <...> и отпразднуют на них свои древние торжества спокойного трудолюбия и торговли¹.

Именно поэтому сохранение патриархального облика не означало для Малороссии примитивности, но делало ее обладательницей культуры, имевшей самостоятельную ценность. Воссозданию этой культуры и планировал посвятить свои усилия Я.М. Маркович, начавший свои «Записки» гердеровским положением:

Я не хотел бы <...> представлять картины мрачной древности, если бы история не объясняла характера и не показывала степеней образования и промышленности каждого народа².

Всю первую главу он посвятил истории славян в I тыс. н.э. и месту в ней будущей Малороссии, точно следуя соответствующим разделам четвертой части «Идей» Гердера с прибавлением древнерусского летописного материала. Представление немецкого философа о мирном земледельческо-торговом характере славян и об их внутреннем единстве вплоть до XVIII в. хорошо вписывалось как в официальную концепцию «большой русской нации», общей для мало- и великороссов, так и в традицию руссоистско-идиллической репрезентации Украины. Последняя становилась у Я.М. Марковича «колыбелью Россов» и категорически выводилась из разряда воинственных или варварских: «<...> жители счастливой положением Малороссии не были никогда номадами и не могут быть варварами»³.

Закономерно, что казачество и Сечь, так же как и самостоятельную историю малороссийских земель с XIV по XVII в. (глава вторая), Маркович описывает с предельной краткостью и акцентом на дисциплиниро-

¹ Гердер И.Г. Идей к философии истории человечества / пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Наука, 1977. С. 471.

² Маркович Я.М. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. Ч. I. СПб., 1798. С. 2.

³ Там же. С. 55.

ванности, патриотизме и регулярном характере государственности, позволившей легко перейти к современной мирной и трудолюбивой жизни:

<...> Стефан Баторий <...> привел их в хорошую дисциплину и определил им жалование. От сих казаков произошли и украинцы, составлявшие прежде малороссийское войско. Остаток оного суть нынешние козаки, но они уже не воины, а сельские жители¹.

Гердеровский исторический контекст помог Я.М. Марковичу создать внутренне очень последовательный, при всей лапидарности (главы третья и четвертая), образ современной Украины, фактически все элементы которого были использованы в путешествиях по «полуденной России», а в дальнейшем получили развитие в романтическом украинофильстве конца 1810-х – 1830-х гг. Прежде всего, это особый характер малороссийской природы, позволяющий увидеть в ней источник едва ли не мифологического изобилия:

Поляки называли Малороссию молочной и медовой землею; можно именовать ее еще страною обилия и приятностей. Здоровый климат, красота местоположения, великое плодородие земли и разнообразие произведений суть преимущества, по коим она заслуживает такое имя².

Пользуясь, среди прочего, неопубликованным «Топографическим описанием» А.М. Шафонского, Маркович выразительно рисует ландшафтную и природную панораму Малороссии – описывает лесную, степную и срединную ее зоны, дает описание рек и добываемых минералов, причем главное внимание уделяет двум моментам – плодородию и красоте, мотивирующим образ жизни и характер украинцев. Они предстают трудолюбивым земледельческим народом:

Хлебопашество – главный источник народного благоденствия – от самой природы в таком состоянии, какого только требовать можно. Без лишнего труда и тонкого искусства земледельцев пашни разводятся легко и обильную приносят жатву³.

¹ Маркович Я. М. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. С. 39.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 43. Ср. более трезвые оценки А.Ф. Шафонского, видевшего не только природное богатство, но и человеческую бедность Украины: «Представив себе Малую Россию как край, где труд земледельца мало платится, где ремесел, рукоделий и художеств почти никаких нет и где, следовательно, внутренний и внешний торг весьма мал <...> представить себе легко и то можно, что Малая Россия вообще деньгами бедна, а сия общая бедность и к тому бывшее доселе всех жителей неограниченное (т.е. с нечеткой сословной принадлежностью. – В.К., Т.В.) состояние и недостаток в науках и просвещении, а оттого проистекающее худое воспитание юности, есть причиною, что Малая Россия и наружным своим видом в городах и деревнях с другими губерниями не может сравниться» (*Шафонский А. Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. С. 21–22).

Эта естественность, гармоничное сочетание природного изобилия и необременительного труда, порождает еще и эстетическую восприимчивость:

Природа не хотела здесь ни приводить в изумление, ни наводить ужаса, но только нравиться и пленять. Чтобы представить совершенную картину того великолепия, в каком она здесь видна, надобно иметь кисть Пуссеня или перо Бюффона, кои хранятся в пантеоне бессмертных¹.

Простой народ, не обладающий такими талантами, нашел, однако, свои способы отозваться на красоту – в своем языке, в песнях, красочных обрядах и колоритных поверьях. Фрагменты, посвященные традиционной культуре Малороссии, лишены у Я.М. Марковича ценностной дистанции (цивилизованное vs. примитивное), очень ощутимой у А.Ф. Шафонского или М.И. Антоновского, и выполняют гердеровский завет: «<...> чтобы исчезающие остатки славянских обычаев, песен и сказаний были собраны»². В этом характеристики Я.М. Марковича предвосхищают не только идеальные интенции фольклорно-этнографического изучения, начатого Н.А. Цертелевым, И.Г. Кульжинским, М.А. Максимовичем, но и образы Н.В. Гоголя, который возможно, был знаком с трудом своего соотечественника:

В нынешнем малороссийском языке, или собственно наречии, видны еще некоторые оттенки и счастливого климата, и нежного свойства души образователей его. Если <...> судить о духе его, то надобно признаться, что он нежен, приятен и наполнен патетическими выражениями, уменьшительными словами <...>. Можно назвать его языком любви <...>. Возьмем в пример малороссийские песни: в них помещены прекрасные подобию и картины природы, простое, но пылкое изъяснение любви – и голоса их вполне соответствуют мыслям. Если содержание их трогательно, если представляет оно разлуку с милым или с мать-страною, то с разительною гармонией тонов изливается вместе самая сила чувств и выражений. <...> По врожденной склонности малороссиян к музыке страна их в России то же, что в Европе Италия...

<...> В обычаях и обрядах поселян видно несколько старинного, суеверного и много замысловатого. При начале годовых времен или главных земледельческих упражнений, бывают у них разные увеселения и как бы празднества. Так, например, весною деревенские девушки садятся при захождении солнца на зеленой траве и поют веснянку или песнь весны; а скучные вечера зимы проводят они в своих собраниях и балах, называемых вечерницами и игрищами, где играют на скрипке, поют песни и пляшут...³

Образ Украины – «новой Греции» и «славянской Авзонии», заявленный Гердером и начавший разрабатываться Я.М. Марковичем, не

¹ Маркович Я.М. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. С. 50.

² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. С. 472.

³ Маркович Я.М. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. С. 57–59, 63–64.

был чужд и имперской идеологии, достаточно вспомнить об инициаторе «греческого проекта» малороссе А.А. Безбородко, напомнившем о роли Киева в преемственности между Византией и Москвой¹. Слившись с проектом новороссийским, греческий проект выступил аллюзионной основой «Энеиды» И.П. Котляревского и позднее отозвался в разысканиях В.В. Капниста о «гипербореянах» и черноморской привязке странствий Одиссея². Отзвуки его ощутимы и в «Путешествиях» В.В. Измайлова, П.И. Шаликова и А.И. Левшина, каждый из которых находит свой вариант интерпретации: в интересе к древнерусским реликвиям и памятным местам, истокам славянства (ср.: «Я ступил ногою на ту землю, которая была театром великих происшествий в истории нашей, добычею соседних держав и отечеством самых миролюбивых людей»³), в поиске аналогий по типу «Украина – Греция/Италия» («Что была Аркадия, по описанию поэтов, в Греции, то или почти то Полтава в Украине...»⁴), в редко, но возникающем обращении к местным обычаям и поверьям («Здесь сохраняется древнее обыкновение праздновать окончание жатвы – остаток времен языческого богослужения...»⁵).

Это наметившееся движение к осмыслению Украины как «заповедника древней культуры» обладало большим потенциалом, поскольку, с одной стороны, преодолевая черты резкой внутренней специфичности, связанной с образом казачества, завершало интеграцию Малороссии в имперскую культуру, причем в особом статусе прародины, а с другой – предлагало инструменты включения новой Украины, уже как части имперского строительства, в европейскую культурную перспективу. Закономерно, что в российской словесности конца 1810-х – 1830-х гг. репертуар символических моделей, наработанный в ходе осмысления образа Украины литераторами предыдущего поколения, подвергся значительной селекции. Так, черты архаического варварства, внесенные Н.В. Гоголем в изображение Запорожской Сечи в «Тарасе Бульбе», были восприняты современниками уже как диссонанс, требовавший особого оп-

¹ См.: *Маркова О.П.* О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // *История СССР.* 1958. № 4. С. 52–78; *Зорин А.И.* Кормя двуглавого орла... С. 31–64.

² См. о последних: *Майофис М.И.* Западноевропейские источники «Краткого изыскания о гипербореянах» В.В. Капниста // *Русская филология-8: сб. науч. работ молодых филологов.* Тарту, 1997. С. 59–66; *Ее же.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 384–390.

³ *Измайлов В.В.* Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 51–52.

⁴ Цит. по: *Шаликов П.И.* Путешествие в Малороссию // *Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма* / сост. В.И. Коровин. М., 1990. С. 549.

⁵ *Шаликов П.И.* Путешествие в Малороссию. С. 557.

равдания¹, однако демократизм и вольнолюбие казачьей республики оценивались в качестве признаков естественных, актуализированных дворянской фрондой и развитых в обширном комплексе исторических повествований, как научных, так и заведомо фикциональных – от «Истории Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского до незаконченного «Гайдамака» О.М. Сомова. Тем не менее основным в русской романтической словесности конца 1810-х – 1830-х гг. стал все-таки образ «славянской Авзонии», теснее всего связанный с задачами имперского национального строительства, причем как внутреннего, так и внешнего: новое место России в Европе после эпохи Священного союза во многом связывалось с покровительством славянским народам, ближайший из которых должен был выступить патриархальным аналогом и хранителем исконных качеств «рускости», оттеняя органичную спаянность этнического ядра империи.

Фольклорно-этнографическая, реконструирующая направленность российского украинофильства определилась сразу, с публикаций Н.А. Цертелева (1819), и сохраняла этот характер до 1840-х гг. Но углубленная разработка малороссийской региональной специфики поддерживала и значимость системы различий «своего» и «другого», созданной усилиями русских и украинских деятелей 1780–1810-х г. В результате Н.А. Полевой даже в 1830 г., рецензируя «Историю Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского, трезво констатировал незавершенность ассимиляции: «<...> политической самобытности у них нет и быть не может, но опять-таки они *наши*, а не *мы*»². Эта двойственность создавала питательную среду для развития и укрепления альтернативного националистического дискурса, выраставшего в полемиках 1830–1840-х гг. о степени самостоятельности украинского языка, истории и культуры.

¹ Ср., например, реакцию некоего А.в.м.л. из Дерпта в «Моих коллажах о сочинении Н.В. Гоголя “Миргород”»: «Характер запорожцев <...> несмотря на его зверство, дикость – имел много великого, патриархального. <...> Много поэзии в положении общества людей буйных, разгульных, энтузиастов» (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1835. 24 апр. № 33). Схожие оценки присутствовали и в рецензиях О.И. Сенковского (Библиотека для чтения. 1835. Т. 9, ч. 2, отд. 6. С. 31), С.П. Шевырева (Московский наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2. С. 411), в статье Н.И. Надеждина «Европеизм и народность в отношении к русской словесности» (Телескоп. 1836. № 2. С. 256) и др.

² *Московский телеграф*. 1830. Ч. 35, № 17. С. 86. Более того, рост интереса к Украине иногда провоцировал на нарочитое установление дистанции, что ощущается в рецензии Н.А. Полевого, который отчетливо накладывал на «Историю» Д.Н. Бантыш-Каменского дискурсивные шаблоны французской романтической историографии (ср., в частности, сочинения Ж.Н.О. Тьерри), стремясь интерпретировать отношения России и Малороссии по моделям европейской колонизации: «Мы поступили [с малороссами], как обыкновенно поступают победители с завоеванными землями. Мы *обрусили* их аристократов, поменьку устранили местные права и ввели свои законы, поверья, удалили строптивых, сами перемешались с простолодинами-туземцами, но за всем тем обрусить туземцев не успели» (Там же. С. 85–86).